

На французской машине Поцелуев мчался по среднерусскому приволью.

Странное существо голосовало на обочине: длинное, тонкое, в занюханной выцветшей одежке, с нищенской котомкой. При этом – великолепной стати и рельефными мускулистыми руками.

– Мне на море, – девушка брызнула светом выгоревших небесных глаз, улыбнувшись чрезмерно широко, до белых десен.

– Вполне конкретно, – одобрил Поцелуев. – Поехали.

Кончик носа у нее был облезшим слоя на три. А щеки – будто гончарное изделие после обжига.

– Ну, и как там? – спросил Валентин.

– Где?

– У вас, на Марсе?

Девушка странно хихикнула: зубы на загорелом лице блеснули нереальной белизной.

– Видимо, очень припекает? – продолжал он серьезно. – Я, когда последний раз у вас был, тоже весь обгорел!

Она не стеснялась в смехе оголять десна. «Не обкурена ли?» – подумал Валентин.

– Я только что из Индии, – сомкнула спутница рот в строгой улыбке.

Можно было предположить, что девушка с ближайшей помой-

ки, но чтобы с Индии?!

– Видимо, перемещение из точки в точку? – Поцелуев длинно кивнул, словно прокатывая вглубь понимание ситуации: – Параспсихологические, так сказать, опыты?

– Нет, самолетом. До Москвы. А сюда – автостопом. Мы – экстремалы.

Валя показно глянул по сторонам, как бы пытаясь рассмотреть этих «мы».

– У нас друзья по всему миру, – пояснила она.

И он опять прокатил понимание вглубь себя. «Нет, не обкурена, – приходил к выводу Валя, – наверное, сектантка».

– А вы – на отдых? – живо подержала девушка разговор.

– Нет, я по президентской программе, – пришло его время озадачивать.

Она вздернула некрашенные выгоревшие брови:

– Любопытно?

– Прошел большой отбор, кастинг, как сейчас говорят. Победили в основном представители старой проверенной гвардии. Нам выдали машины и разослали по стране. Вот стоит женщина у дороги. Остановись, подвези. Дрова надо нарубить – наруби! Конечная цель – это, конечно, решение острейшей в стране демографической проблемы.

Она рассмеялась просто, от души: и так похорошела. Глаза заблестели умом, цепкостью. Теперь он заметил, что костюм на ней из простенького, но натурального материала индийского кроя.

– А вы – на отдых? – улыбался Поцелуев.

– Я никогда не отдыхаю. И никогда не работаю, – снова интриговала она.

– Любопытно? – повторил он ее тональность.

– Мы принимаем роды в воде. Разве это можно назвать работой? Сейчас была у одних, помогала, консультировала. Еду к другим, и снова на море. Разве это можно назвать отдыхом?

Поцелуев изобразил крайнюю степень изумления и одобрения. И узнал ее: он вспомнил сюжет по телевидению! Двухэтажный особняк сразу за Кольцевой дорогой в Подмосковье, девушка с очень крепкими руками рассказывает о родах в воде. Вокруг вьется много молодых людей в одеяниях буддийского склада.

Она была явный лидер: гуру.

– А не страшно садиться в машину неизвестно к кому?

– Когда видят девушку с таким мешочком, все стараются помочь, накормить. Бывало, ты ешь кусок поданного черствого хлеба, а мешочек у тебя полон денег.

– И что, сейчас он полон? – Поцелуев злодейски скривил бровь.

Она улыбнулась, как бы искушая его: экстремалка!

– Всекие люди попадают. Но начинаешь разговаривать, и человек меняется.

Она была ловцом душ. Развязала веревочку на торбе, достала два яблока, вытерла салфеткой, одно откусила сама, другое – протянула Валентину.

– Опасное предложение. Один мой предок как-то вот так уже слопал яблоко.

Он открыл «бардачок», и попутчица опять вскинула брови, видя лежащие рядками плитки шоколада.

– Я их сам произвожу, у меня свой арбузо-литейный завод.

Женщина широко улыбнулась. Отстранилась ладонью от шоколада.

– Все знают, – заговорила она с легким сдержанным назиданием, – что мир делится на женское и мужское начало: «инь» и янь». Пицца тоже делится на – «иньскую» и «яньскую», то есть с женским и мужским началом. Люди в большинстве предпочитают «иньскую»: мясную, молочную. Мы едим – яньскую пищу.

Еще один Великий учитель был на его пути.

– Яньская пицца, – продолжала завоевание попутчица. – Это и твоя энергия. Это и укрощение плоти, высвобождение духовной энергии.

Валентин отметил: она сказала, не смирение, как обычно принято у православных, а укрощение плоти. Еще раз оглядел ладное, крепкое плечо девушки, словно рвущуюся из самой себя осанку. Да, с ее избыточной силой и энергией плоть требует именно укрощения.

– Мне нечего купить в супермаркете. Мы продукты покупаем на китайском рынке.

Жизнь по правилам Поцелуеву всегда нравилась. Но только не в отношении самого себя.

– Любая систематизация жизни, – проповедовать он тоже умел, – начинается с дозированного питания. Связано ли это со спортом, армией или верой. Первое условие любых сект – отказ от мяса и алкоголя. Казалось бы, куда как лучше: человек не пьет водку, не потребляет с мясом лишние

калории и холестерин. Но этот же человек, как правило, становится подвластным и легко внушаемым. Алкоголь – нарушение системности, мясо – пища хищника, всегда готового показать клыки. Пьющий народ – может уничтожить себя, но завоевать его нельзя!

Она смеялась от души, до слез. И славно так, почти любовно посмотрела на «водилу».

– А в телесюжете, там, кажется, муж был? Видный такой парень офисной наружности: отличался сразу от других.

– Другие отличались от него. А он похож на всех. Сотрудник банка. У нас товарищеские отношения, – она уютнее устроилась на сиденье.

Это было хорошо, когда «товарищеские».

– Мне хочется называть тебя Джан, – посмотрел он на девушку, – это переводится как душа, ищущая счастья.

– Я счастье, ищущее души.

Машину окутывали сумерки. Приятно было молчать, уносясь по вырезанному в пространстве фарми тоннелю.

Поцелуев в ночи держал курс строго на юг. Полная луна неслась вровень с машиной над кромкой земли, цепляясь, стремительно продираясь сквозь чащобу лесополосы и вновь яростно выкатываясь на степные просторы.

– Какая красота! – в раздумчивости произнесла странная попутчица.

Лора-Джан, как он ее окрестил, путешественница по миру, принимающая роды в морских водах, поджав ноги, полулежала на сиденье. Луна светила с водительской стороны, поэтому взгляд девушки касался и его: ей лишь стоило чуть повести зрачками.

– С чем ее можно сравнить? – поддержал разговор Валентин с

той же тональностью. – С медным пятаком? Нет, пятак мал. С медным тазом? Красота исчезает.

– Луна несравненна. Посмотри, какое у нее лицо. Глаза... Непорочность. Требовательность. Посмотри, какая непорочность во всей природе.

Она, без сомнения, была счастьем, ищущим души.

– Какими нам надо быть непорочными среди всех накопленных людьми темных потоков, – звала в тайны Джан, – чтобы соответствовать первозданной красоте природы. Сохранить этот дар, жизнь. Это удивительное счастье, чудо, что мы живем...

Они остановились на берегу Азовского моря: бело-мутного, в цветении водорослей. Естественные радоновые ванны.

Лора-Джан скинула одежды, оставшись в одних стрингах, без верха. Шла в воду, прогнувшись парусом и раскинув длинные руки, поплыла нырками, мощными взмахами, перекручиваясь, являя пляжу ягодицы и ударяя о поверхность ногами, как дельфин хвостом. Поцелуев тоже искупался, выходил из теплой, проваренной словно воды, выискивая попутчицу взглядом: она вынырнула метров за пятьдесят! Шла, высоко поднимая ноги, на берег, загорелая, как смоль. Расположилась лицом к морю, встала в растяжку, рассылая ладонями потоки по сторонам.

Солнце еще всходило, людей на пляже было немного, но они были. Посматривали.

Косился, присев рядом, и Поцелуев. Лора – Странствующая душа – склонилась к одной ноге, к другой, опутала обе ноги руками, совершенно не стесняясь, что веревочка стринг катается туда, сюда, и то и дело из-под нее выглядывает бойкая улитка, как бы тоже упражняясь в йоге.

– Стыд – это свойство рептилий, – заметила она смущение мужчины.

Валя ощутил себя рептильным образованием.

– А как это установили? – живо поинтересовался он.

– Это сказал философ Мунку, – по всему тону, Поцелуев просто обязан был знать философа Мунку.

– А они что, рептилии, об этом ему лично доложили? – он и вправду не понимал. – Или он их сварил, как раков, и они покраснели?

– Если ты не знаешь философа Мунку, это твои проблемы. Не надо навязывать мне свое мнение. Сейчас не сталинские времена!

– Да уж, да уж, Иосиф Виссарионович показал бы этому Мунку, где раки зимуют! – паясничал Валентин.

Лора-Джан поднялась из шпaгaтa и вытянула руки вверх, к небу.

Как она была хороша в эти мгновения! Он гадал, кокой вид спорта при «мирской» жизни так натренировал ее тело. Баскетбол? Волейбол?

– Прыжки в высоту? – предположил Валентин вслух.

– Совершенно верно, – не глядела она.

– Камээс?

– Обижаешь, – чуть обернулась девушка.

– Мастер?

Она решительно взмахнула ногой, так, что совсем уж можно было заглянуть в иные миры, как в телескоп.

– Филологический факультет?

– Исторический. Я защищалась по генералу Брусилову, – посмотрела Джан через плечо с видом жестокого, но верного белому движению генерала.

«Какие удивительные на Руси женщины! – думал Поцелуев. – Бережет его Господь от обычных,

а посылает – редких. Талантливых и сумасшедших. Очарованье!»

Он потянулся к ее гладкой коже с золотящимся пушком не потому, что его манило – для этого женщина слишком была занята собой. Из человеческой пытливости.

– Мое тело – мой храм, – проговорила она так, как может сказать верующий человек. – И никто в него не войдет.

Лора, конечно, была из тех замечательных людей, которым во что бы то ни стало, без какой-либо заметной выгоды, нужно заполучить чужую душу. Внимание, благоговение, хоть на мгновения, но власть.

– Зачем же храм, если в него никто не может войти? – чуть запоздало опешил Поцелуев.

Ответ на этот вопрос, видимо, не был предусмотрен:

– По крайней мере, в ближайший год, – резко прекратила Лора Джан занятия.

«Сближаться не надо, – забил в затылке маленький молоточек, – мало ли что? «По крайней мере, в ближайший год». Да и не выберешься потом из-под нее, не надо!»

Попутчица выудила из торбочки пакетик шампуня, встала под открытый душ. Волосы, скатавшиеся и отверделые, теперь свисали русыми колечками, задубелая от солнца кожа, посвежела и задышала, щеки оказались округлыми. Там же, будто в колдовском мешочке, у нее была припасена белая кружевная кофта, черная короткая юбка и белые туфли на каблуках. Южно-русская девица на выданье!

Здесь, неподалеку, в приазовском городе жили ее родители: для них Лора хотела явиться привычным счастьем!

Джан записала его адреса и телефоны. Остановила первую же попутку на развилке дорог,

Поцелуев проводил ее влюбляющимся взглядом, успев ревностно подумать, как сейчас там, в машине, начнется новая жизнь, и бесстрашная путешественница может повести себя совсем иначе, нежели с ним.

«Я влюбилась!» – слала ему Джан сообщение.

«Не вытерпела года?» – отвечал Поцелуев.

«Я влюбилась в парашют!»

Скоро она обнаружила себя в «Орджо», где с ранней весны по глубокую осень собираются разного рода «неформалы». Валентин находился поблизости, в Феодосии.

На берегу «дикарей» народ жил, как Ева и Адам в саду Эдема до познания греха: не зная, что они наги. Откровенно рассматривать обнаженных юных див – одна краше другой – было неудобно. Возникала опасность косоглазия!

Высокая Лора-Джан, единственная в длинном облегающем платье, спускалась по склону большими скользящими шагами, с размашистым движением рук. Она присылала ему сообщения со всего мира, но здесь, при встрече, не остановилась, не кивнула даже, а лишь посмотрела на него и в том же ритме пошла в воду. Она пошла, потому что никакие жизненные обстоятельства не могли изменить ее намерений. Поцелуеву ничего не оставалось, как тоже поплыть, хотя догонять морскую «дикарку» было делом тщетным: Джан удалялась, как дельфин, длинными нырками.

Метрах в ста от берега вода разорвалась, и Лора-Джан, блеснув небесными глазами и улыbnувшись до белых десен, сказала:

– Как хорошо встретиться в море!

Она устраивала жизнь так, чтобы было хорошо!

Поцелуев сразу стал здесь любим и желанен как большой друг Лоры. Впрочем, любой человек, искавший пристанища у «дикарей», был бы принят и, как у детей, стал бы на первое время необыкновенно им интересен.

На берегу Джан в одно движение скинула легкое платье, оставшись также нагой. Потом повязала прозрачный платок на бедра, как носят кочующие цыганки.

На костре, обложенном камнями, в небольшом казане готовился плов из риса и зелени – яньская пища. Обнаженные дивы колдовали над очагом, склоняясь и ставя для удобства ноги на камни. Валя, сидя рядом, в полуметре, как подросток, украдкой поглядывал на обритые рубчики между ног. У одной, словно подернутый бисером, у другой – бледный, как голодная пиявка, у третьей приоткрытый, словно рыбий рот.

«Ну и что, братка, ну и что?» – страх сгушался внутри, оберегая былой внутренний лад. Из-за этого все страсти земные, дуэли, войны, величайшая поэзия?!

– Я понимаю, – Лора возвышалась над ним, глядя на море. – Поначалу, непривычно. Но через три-четыре дня перестанешь замечать, что есть мужчины, женщины. Будешь чувствовать, что ты просто человек, ведь есть душа, природа, Бог, какая разница, мужчина ты или женщина?

Она развернулась к нему. Между расходящимися полами легкой косынки на бедрах, вопреки среднему роду предлагаемого существования, страждущими, сгущающимися кровавыми отеками взывали к милосердию женские губы.

– Я не хочу чувствовать, что нет разницы, – проговорил Валя зависимым голосом. – Я хочу чувствовать тебя как женщину и

чтобы ты каждую секунду чувствовала, что рядом с тобой мужчина. Иначе... пропадает вкус жизни.

– Ты считаешь, что у нас нет вкуса жизни? – надменно улыбнулась она.

– Я говорил только про себя.

– У вас резинового клея не найдется? – услышал он со стороны. Повернул голову.

Перед ним стоял мужчина. Поцелуев сидел на камне, и висячий отросток с кособокой унылой мошонкой болтался как раз на уровне его глаз.

– Резинового клея не найдется? – человек интеллигентно повторил вопрос.

Валентин понял дело так, что его разыгрывают.

– Да, я всегда, когда иду на пляж, беру с собой восемнадцать тюбиков, – попытался отшутиться он.

Теперь озадачился голый мужчина, не оценив юмора.

– Найдется, – услышал Валя за спиной.

Беременная улыбчивая пампушка лет восемнадцати на вид, с выгоревшими соломенными «дрэдами» на голове и облупившимся носом несла тюбик с клеем.

– У нас тоже лодка часто рвется!

На ее большом животе тарачился веселым глазом округлившийся пуп. Будет рожать в море? – вспомнил Валентин, как рассказывала Лора о родах в воде. Было ясно, что народ здесь не такой уж отвлеченный: есть лодки, рыбачат.

Лора-Джан протянула на тарелке рис, русобровая беременная девушка подала чай. Валя, по простоте душевной, вытащил из пакета специально замороженную в холодильнике бутылку сухого вина.

– Зачем человеку нужен алкоголь? Зачем он ест много сладкого? – Лоре выпал случай дать урок.

– Человеку нужен допинг, сладкое мобилизует, алкоголь веселит. А есть внутренняя энергия, – она подставила ладони солнечным лучам, – есть энергия природы...

– Разве человек пьет, по крайней мере, русский, ибо действия алкоголя имеют строгую этническую окраску, – попытался Поцелуев изловить эту женщину на ее же наживку, – для веселья? Грузин, скажем, пьет и устраивает театр: каждый говорит тост, и совсем необязательно, чтобы этот тост соответствовал правде, важно, чтобы это было красиво, сюжетно, важен эпический пафос. А русский – обретает свободу. Он стеснителен от природы, он вечно себя корит, полагая, что живет хуже, чем должно. Душа его – вода – ей надо вытечь и втечь и, наоборот, впустить в себя иную воду. Русские – постигают друг друга, себя, переползая душами, меняясь, они примеряют к себе чужой мир. Поэтому и пьянство русского заметнее, ведь пьют почти все, а видно того, у кого душа болит: ему надо показаться на миру!

– А разве нельзя перетекать, как ты выражаешься, душами без алкоголя? Разве это не происходит с нами сейчас?

– Боюсь, что нет: душа перетекает через рану.

– Поживи здесь, – улыбнулась Джан великодушно. И добавила: – Если сможешь.

Она привстала на цыпочки, потянулась, как это бывает с человеком, пожелавшим размять застоявшиеся члены. Распростерла перетянутые сухими рельефными мышцами руки, странно, красиво сломав их в изгибах, будто птица перед взлетом.

Зримая воплощенная страсть!

Лора-Джан занялась упражнениями, разгоняя ладонями воздух и все нечестивые помыслы, каждым движением словно выговаривая: «Мое тело – мой храм».

Ему улыбались, его продолжали любить и смиренно принимать со всеми «дикарскими» – то есть привычными – представлениями о жизни. Валя жевал полусырые, на китайский лад, зерна риса, запивал несладким чаем и с подступающим ужасом отмечал: как резкий запах притупляет обоняние, так и женщины в обнаженном обилии теряли визуальную притягательность, хотя еще и не прошло отведенных Лорой трех-четырех дней. Ротыки между ног строили ему веселые рожицы. Милый щебет стоял вокруг. «Как вкусно!» – восторгалась одна Божья душа. «Вам нравится?» – радостно склонялся ангелочек.

Темнота, белесые проемы окон, контуры тяжелой, под старину сделанной люстры над головой. Гул разбуженного, растревоженного осеннего моря. Шум деревьев в задувании ветра. Уже полгода его в страхе вырывала из сна простая идиотская мысль, что все, ничего не поправишь, как в свершившемся преступлении или факте смерти. Для него больше нет его женщины, которой, как бы он ни старался заменить ее всеми, роднее нет.

Спасительно засветилось окошечко Интернета, где можно было высвободиться от излишеств чувств. Налил вскипевшего чайку, устроился поудобнее, нацепил очки... В порыве ветра и наплыве гудящей волны почудился женский стон, вскрик! Прислушался: на самом деле, звали: «Валентин Ивано-ови-ич... Ва-аля-а...»

Открыл дверь. Соседская беременная девочка – старшая из многодетной семьи – сидела у порога, обхватив живот.

– Позвоните... в роддом. Пожалуйста. Мама... на дежурстве.

Он стал набирать номер: «03» – вызов срывался. Ясно, у него московский номер, здесь, на город-

ской телефон, нужно звонить через код. Внес беременную девочку в комнату, положил на диван.

В курортном городе и среди ночи можно встретить прохожего. Вновь выскочил во двор, на улицу: узнать, как позвонить в роддом? «Не знаю, я не местный», – пожимал плечами один. «Я из Магадана», – ответил другой. Правильно, успевал подумать Валентин, золотоискательские артели закончили сезон – и сюда.

Он вернулся обратно, девочка лежала. Запрокидывала голову, упиралась ногами в кожу дивана.

Машина была на стоянке, неподалеку.

– Потерпишь, я мигом? – спросил Валентин.

– Я не знаю. А меня примут, у меня свидетельство о рождении таджикское?

– А паспорт?

– Паспорта никакого.

Он помнил: семья была русской, но из Средней Азии, беженцы.

– Примут, – со злом решил он: сил не было от всего этого маразма, когда даже для того, чтобы родить, нужна бумажка!

Бежал по улице, преодолевая порывы ветра, и уверенность гасла: а ведь, правда, могут не принять. Точнее, принять только на коммерческой основе. «Лора», – окликом пронеслось в голове: Лора-Джан понимала в родах.

– Лору? – сонливо тянул девичий голос: там, на пляже дикарей, никто никуда не торопился.

– Да-а, – светло и лучезарно отвечала Лора-Джан в хмурой ночи.

Он объяснил.

– Ты на машине?! – прорвался вулкан. – Вези ее сюда, мы пойдем навстречу!

Беременная девочка полулежала на заднем сиденье, терпела.

– Не терпи, кричи! – прокричал он сам, вспомнив, как советовали

роженицам врачи или медсестры в кино.

– Дыши глубже, чаще, это ослабит потуги.

Она глотала воздух, но кричать – нет. Видно, там, в Таджикистане, их по-другому настраивали.

Вот только она во дворе развешивала постиранное белье своих младших сестер и братьев. И Валентину так нравилось, что современная девочка ведет себя по-старинке – заботится о младших. Спрашивала его про Москву и говорила, что после школы хочет поступать в Педагогический. Была эта девочка, Саша, десятиклассницей и училась хорошо. Но появился рядом с ней местный хулиган: тщедушный, закуренный, но отчаянный. Феодосийские девчонки почему-то любили шпану! И в округе их полно, несовершеннолетних матерей, родивших от неведомо кого, не имеющих ни профессии, ни образования, никак не готовых к материнству. Сашин недомерок появлялся то с фингалом, то с выбитым зубом, постоянно нес какую-то околесицу про свои «подвиги», варьируя рассказ из трех слов. Слышалось «Хеб». Но как при этом светились глаза хорошей школьницы и заботливой старшей сестры Саши! Валентин однажды подошел к ней и сказал, мол, будешь с таким дружить, не видать тебе ни Москвы, ни института. Лучше бы не говорил: произнесенное слово имеет силу! Накаркал! Школу не окончила, надо рожать! А «Хеба» уже нет: будущего отца и кормильца нашли в канаве: передозировка!

Ближний от городка дикий пляж был пустынным. Море, расходясь, волнуясь, выбрасывало волны все дальше, залиывая песчаный язык, добегая до кромки горного склона.

Валентин нес беременную девушку, опускал ее на землю, чтобы передохнуть, она пыталась идти сама, приседая, снова брал на руки, поднимаясь от вытесняющей волны все выше, вверх, на сопки.

Ему открылась пустынная вторая бухта, и вдруг, словно родившись в скале, показался огонек один, второй. Факельное шествие разворачивалось по приморскому склону. Дикие люди шли с горящими факелами в руках, теперь они были одеты, если их балахоны и набедренные повязки можно назвать одеждой.

Джан, как счастье, ищущее души, высокая, прямая, с расправленными плечами, с глазами, как два отраженных в море огненных всполоха, шла впереди.

Община действовала слаженно, хотя никто не давал команд. Лора-Джан и две девушки с нею, блистая нереальными, белесыми выцветшими глазами с белесыми ресницами, с соломенными распущенными волосами, завели роженицу в море, опустили на четвереньки так, чтобы вода не покрывала спины и головы. Лора держала роженицу за бедра, девушки – за плечи. Набегающая волна сносила их всех вместе, и морские повитухи успевали приподнять роженицу, не давая ей захлебнуться. Еще несколько девушек устроили заграждение – живую дамбу, волнорез, защищающий роженицу и повитух. И все это девичье скопище вздымалось на водах – у Вали, ровно в такт волнам, обмирало сердце, казалось, вот-вот и унесет всех в открытое море. Двое юношей – их всего здесь было двое – также кинулись на помощь.

– Может, вынести ее, пусть рождает на суше! – прокричал Валентин, видя вновь набегающего с раскрытой пастью водного зверя.

Девушки глянули на него в ответ невидяще и продолжили колдовское дело. Поцелуеву приходилось видеть живых шаманов, настоящее камлание: «У-ши-и, уш-и», – подражал шаман звукам далекого моря, «Ры-ы-а!» – рычал медведем. И уголья – догорающие головешки – тлели в костре.

Здесь также горел костер – пылал, сбиваемый порывами ветра, уносился искрами по склону, разбивался о небеса. Людские тени колдовали вокруг огня, среди которых выделялся силуэт беременной с «дрэдами», похожими на многочисленные рога. Парила в чане вода. И люди в море творили неведомый обряд. Новая морская волна их грозила смыть, и теперь уже Валя бросился в воду. И в тот момент, когда он хотел обнять стоящих заслоном девчонок, чтобы укрепить щит, людей разнесло на волне, и он, стремясь поддержать роженицу, поймал что-то странное, пугающее, осклизлое. Ребенок, привязанный пуповиной к матери, как космонавт, вышедший в открытый космос, был в его руке.

– Крути, крути по ходу головы, – помогла Лора, – чтобы не захлебнулся!

Волна катила к берегу, и нужно было успеть, суметь схватиться, остаться на твердой почве, чтобы море не унесло обратно. Лора тянула роженицу, а он держал младенца, и так они в связке, преодолевая волну, спотыкаясь и падая, поднялись на сушу.

Темная пуповина пульсировала как самостоятельное живое существо. Младенец был мальчиком, точнее, мог быть мальчиком. Ручки и ножки покрытого сукровицей тельца висели недвижно. Валя успел подумать, что младенец захлебнулся, и он виноват, устро-

ив такие роды. Как подумал, что, наверное, это к лучшему: ну зачем этой девочке ребенок? Да еще, как говорили, от наркомана?!

Лора-Джан цепко ухватила младенца за лодыжки и, перевернув верх ногами, с силой, будто подхлестывала все мужское население планеты, шлепнула его.

– Уа-а-а! – страшно заорал тот. – Уа-а-а! Уа-а-а! – состязался он с шумом прибоя.

– У-а-а! – поддержали его взрослые братья на детский лад.

Рука Лоры одним четким движением наложила на пуповину пластмассовый зажим. Другая ее рука столь же решительно перерезала пуповину обыкновенными ножницами.

У костра была разослана простынь. Кричащего, сучащего ножками младенца обмывали. Омывали и мать, одевая ее в просторные одежды. Девочка, родившая дитя, не проронила ни звука, словно старалась ничем не выдать своего присутствия. Теперь улыбалась, не сводя глаз с рожденного сына.

Лора-Джан, скинув долгий балахон в одно движение, взмахнула окровавленными длинными руками и взглядом, решительным оборотом головы позвала Поцелуева в море.

– Запомни, – как заклятье произнесла она. – Главное, идти сквозь волну только прямо. Чуть уйдешь в сторону, унесет и разобьет о камни.

Это было безумием! Это была – на свой лад, – рулетка! Женщина предлагала мужчине сыграть, поставить на кон – страсть или жизнь!

– Риск ради риска, это удел мужчины! – разгневался Поцелуев. – Если нечем больше самоутвердиться! Но зачем это тебе, женщине – утверждайся в семье, расти детей, дари вдохновение мужу?!

– Неужели ты не понял, Поцелуев, что у меня никогда не будет детей! – развернулась она к нему во всю статью.

Две заплаканные сосульки – титечки на атлетической фигуре – сиротами взывали к милосердию.

Мессианской поступью прекрасная Лора-Джан шла в пока еще откатывающееся море. Снова, повернувшись, улыбнулась – ему ли? Так ли, в пространство? Сильно, чрез меры, до обнажившихся десен. Влажные колечки волос тряхнулись на висках. И ушла в волну, вздымающуюся нахлестом, способную закатать лодки, катера, корабли.

«Для чего?! – прокричал голос в его душе. – Если это даже не отбор мужской особи, проверка самца, подходящего для зарождения плода?! Если это все лишь игра?!

«Дикари» в умилении окружали юную мать с младенцем. Она значительно отличалась от них: белизной кожи, налитым телом и стыдливостью, с которой она пыталась спрятать за коленками обильный треугольник, отсутствующий у других див. Валя почувствовал, как по животу пальчиками сбежало желание, почти угасавшее здесь.

Ребенок с жадностью сосал несоразмерно пышную для юного личика мамы грудь с такой жадностью, будто он уже познал голод и лихолетье времен.

Девушки махнули, радушно приглашая к костру, где был готов чай. Выходка Лоры-Джан, видно, была для этого населения делом обыденным.

– Что-то никто больше не торопится купаться?! – приблизился Поцелуев.

– Каждый выбирает сам, – поняла его смятение беременная девушка с дрэдами: ободки толстых многочисленных косичек делали ее

фантастическим существом.

– А как потонет?

– Станет русалкой.

– Или дельфином.

– Или водорослью.

Из детства Валя Поцелуев помнил женщин, у которых жалость обгоняла беду! Он даже увидел, как они сейчас бы метались по берегу и кричали грозными головами, пред которыми любой герой делался маленьким и послушным ребенком. Но здесь все бемятежны.

Джан утопала, терялась из виду в пене морской и вновь взлетала на гребень волны.

– Лора – необычная женщина, – пояснила беременная с дрэдами.

Теперь он рассмотрел ее лицо: простое, курносое, веснушчатое, с глазами образованного человека.

– А в чем разница с «обычными»?

– Обычные – склочничают на кухне, скандалят, устраивают мужчинам истерики...

– Женщина скандалит и доводит мужика до белого каленя, – смешком скрывал раздражение Валентин, – с одной ясной целью: чтоб потом, как говорится, шибче жалил! А вот она?.. – он ткнул пальцем в сторону моря и внезапно умолк.

Лора стремительно удалялась на волне. Ее уносило, забирало, и нельзя было оттуда ее снять, забрать, ничего нельзя было поделать! Вдруг исчезла совсем: унырнула вглубь.

«Вши-их, вши-и-и-у-ух», – шли грядой пенистые зубья волн, накрывая одна другую. Только полозья лунного света скользили по поверхности. Даже философски настроенные дикари притихли, насторожились.

И Джан вылетела из пены, с верхушки гребня, обогнав движение волны. Показалась из вод с распростертыми руками, как

распятье. И гулом откликнулось племя у костра: «У-а-а-й!!!»

Младенец в испуге оторвался от груди и тоже заголосил. Мать, нежно глядя на дитя, сунула пухлый сосок ему в губы, и крохотный мужичок тотчас снова припал всем личиком к груди.

Джан, на острие жизни и смерти, продолжала игру – с ним, с собою, с судьбой. Тешилась и утешалась.

Бесконечные женщины выплыли в его воображении, но так реально – женщины в самостоятельном плавании.

«Подцепить на крючок, – вспомнил Валя поучения старого зека, сладострастника «Достоевского», он же «Граф»: – Подцепить на крючок – это не рыбку поймать. В воде женщина беззащитна. Потому что как лягушка. Подплываешь, скользишь за поясницу, по ложбинке, разворачиваешь – и на крючок!»

Он никогда не любил всех этих советов, методик, исходят они от доморощенного знатока или дипломированного специалиста. Знал, что самый сильный ключик к женщине – тайна... Другой надежный ключ – стихия...

«Подцепить на крючок – это не рыбку поймать...» – словно кто-то нашептывал рядом.

Беременная с дрэдами, кажется, усмехалась, показывая, как он ничего не понимает в необыкновенных людях. Младенец сосал материнскую грудь, будто только для этого был рожден: насытиться!

Поцелуев окинул их полуслепым взглядом и пошел в море. Бросился в волну, выхлестнувшую на берег.

Он плыл под водой за женщиной и не мог не плыть, потому что она звала. Она звала, обещая приоткрыть храм свой. Он плыл,

потому что женщина хотела что-то кому-то доказать. А он хотел что-то доказать ей. Плыл, строго соблюдая наказ: ни на пядь в сторону, только вперед, прямо. Водный поток бил навстречу, норовил сгрести в охапку и кульком унести обратно. Поднятая со дна грязь царапала тело. Волна не кончалась и не кончалась, паника холодными пальцами пробирала до пят: а как вдруг он попал в следующую волну, и не хватит воздуха? В груди сжимался ком, простукивало виски. Зачем он поплыл, зачем во все это ввязался?! И делал новый сильный гребок вперед!

Плоть воды разорвалась над головою, он глотнул воздух, успевая балансировать у подножья нового водного вала, овладевая, как Джан, техникой штормового плавания: удерживался на скольжении волны, не сопротивляясь, не пытаясь плыть навстречу и обгонять движение вод. Отдышался, и снова пошел сквозь волну, не сворачивая.

Он настигал ее, женщину, будучи уже не собою, Валею Поцелуевым из деревни Любимовка, – был посланцем мужского племени на земле, мужского воинского братства, воплощением его здесь, в буйных водах, перед одичалой, отбившейся от крепкой мужской руки женщиной. Посланицей женской касты.

Джан восторженно взмахнула руками и развернулась для нырка, игры. Его рука по всей науке старого зека проделала путь, и женщина замерла, тотчас обмякла, сделавшись послушной и податливой.

Она прогибалась, извивалась, оборачиваясь к нему с поцелуем, глаза ее вспыхнули и выдохнули уста: «Это круто, Поцелуев!»

Резанула злость: даже сейчас она была не с ним, а с тем, что «круто». Волна кинула их, понесла, и он крепче прижал ее, пробивался, вбивал свою невыраженную страсть, боль, жизнь! Возвращал женщину – женский род – к себе, мужчине, призванному обладать. И все они были здесь, «на крючке», и Малинка с ее потаенностью, и проповедующая Вероника, все, потому что так решил он, мужчина.

Он удерживал ее, а она гребла: руки ее были свободны, и в них хватало сил грести за двоих. Она вжималась в него, послушно, податливо, и уже не была отдельно собою, из самостоятельного плавания, женщина отдавалась ему. Их вместе несла волна, и на гребне, на краешке вздыбленных вод он чутко уловил ее движение в запредельность, которая делает женщину всецело принадлежащей мужчине. Прильнул, замерев, давая ощутить себя с ней единым целым.

Волна дала время женщине, в гордыне искушающей судьбу, прожить полет страсти. А мужчине, вознеся наверх, вернула на миг страх и открытый взор. Стихия бушевала несметная! И где-то над ухом объявился старый зек и зашептал, как Змий: «Мужчине кажется, что он покори́л женщину, и женщина ему принадлежит?! Тогда как женское – в женщине – не принадлежит даже ей самой и живет своей отдельной жизнью, – это морской блик, часть магмы невидимого мирового океана, бурлящего, дышащего – бесконечного хлюпающего пузырьчатого болота, рождающего в жаркий день потоки человеческого комарья. Как можно победить болото, сунув туда отвертку?!»

Ради красного словца Поцелуев не единожды повторял эту мысль лагерного сексопатолога, не отдавая отчет, насколько она – есть правда. И вдруг в пучине вод ясно ощутил, что удерживает не женщину, а часть бушующей стихии. Обнаружил себя чем-то вроде электролобзика, делающего пропил в море.

Волна сбросила людей, как щепу. Опытная морская пловчиха Лора-Джан словно зацепилась за гребешок, покати́лась по поверхности в пене: она, конечно, не специально уплывала, оставив мужчину в заостенелой незавершенности – так распорядилось выживание. Поцелуев еще успел увидеть вырванную из объятий, удаляющуюся женщину, накрываемый, как крышкой, водами. Поток потянул вспять, закручивая в кружении.

Как хотелось жить! Жить и только жить, и больше ничего, лишь бы вновь увидеть солнце! Хотя бывало с ним уже не раз, когда казалось, выживи, выкрутись, переживи худо, и все станет по-другому, праведная дорожка откроется ему. Но поднимался, выкарабкивался, освобождался, вставал на ноги, и это «все» снова вертелось веселым колесом. Но сейчас – выстукивало сердце, – теперь-то, лишь бы наверх, а там – свет!

Но почему ил? Муть? Дно?.. «Высвободиться»... Неужели там высвобождение?

Куда уносило, утаскивало Валентина? Сор, какие-то тряпки? Неужели на дне моря тоже отходы и мусорные бачки? И почему у него такие крохотные слабые ручки? Он весь маленький?

Валя сделал рывок, разорвал воды вновь выросшими сильными руками, стал грести, вырываться,

туда, наверх. «Вши-их-х» – подняла, понесла волна. Швырнула, покатила по камням. Он лежал на берегу и был жив!

Вал откатывал обратно, а там, под темным небом, разевал пасть новый водный зверь. Поцелуев покатился со спины на живот, вскочил, цепляясь за валуны, соскальзывая, устремился вверх, к нетронутой морем почве.

Все клокотало в нем, мышцы подрагивали, все еще вырываясь, выдираясь из страха, и сердчишко выпрыгивало щенячьей радостью, ликуя, что пронесло, и оно продолжает биться!

Лора-Джан – Блуждающая душа – спокойно, на черте суши и бушующего моря, чуть склонившись, с наслаждением отжимала волосы. Белесые ее глаза и белоснежные зубы рыболовными блеснами в полутьме как бы прыгали по волнам.

Поцелуев распрямился, делая вид, что он тоже в порядке.

Все существовало отдельно.

«Дикари» в прежней безмятежности сидели на крутом берегу вокруг языкастого костра.

Ветер парусами раздувал их свободные одежды.

Девочка, ставшая матерью, зачарованно смотрела на сына. В какое гражданство будет его оформлять, если сама имеет лишь таджикское свидетельство о рождении?

И младенец сам по себе сосал, казалось, неиссякаемую материнскую грудь.

И Валя, уже, было, призванный свыше, жил отдельно со своим телом, у которого невпопад, порознь двигались руки и ноги.

Праздничное факельное шествие полуобнаженных людей проводило гостей до окраины городка, где ждала машина. Девы

помогли устроиться роженице и новорожденному на заднем сиденье. Поцелуев расцеловался с Джан, обнял на прощание других девушек с неожиданной щемящей горечью расставания.

Привычно положил руки на руль, взял скорость и ясно ощутил, как существо его бьется привязанным воздушным змеем над морем ли, над диким ли пляжем или еще в каких даях?

Интернет просто взорвали фото, слайды, видео обитающей в Египте, под Дахабом, общины «джан-буддистов». Старая поговорка «Брошу все, махну в Урюпинск» менялась на «Брошу все, махну в Дахаб». Сначала на диком берегу поселились человек десять, а скоро община выросла до нескольких тысяч. Люди собирались сюда со всего мира, говорили на разных языках, понимая друг друга, оставив принятые нормы, государственные условности. Харизматичная предводительница Лора-Джан пронзала волну величиной с трехэтажный дом. И молодые люди специально приезжали сюда, чтобы пронзать волну. Она принимала роды в воде – беременные сбивались на берегу, подобно нашествию черепах. Лора проповедовала свободу, слияние с природой и жизнь в согласии с самим собой. Так она и жила, принадлежащая всем и неприступная для отдельных лиц.

К великому изумлению общинных дикарей у наставницы и главной повитухи Лоры-Джан стал расти живот. Шла молва о непорочном зачатии, которое, как выяснилось, возможно, с биологической точки зрения: крысы и некоторые виды акул, в экстремальных условиях, способны к самоосеменению, выделив

из клетки мужской ген. Многие были уверены, что именно это феноменальное явление случилось с Джан. Она превращалась в идола. Однако более степенная и рассудительная часть общины все настойчивее указывала на связь Лоры с невзрачным тщедушным художником, вечно пощипывающим свою жидкую бородку. Он не пронзал волну, как иные мужчины, пытавшиеся завоевать свободную женщину, объявившую свое тело храмом, не ходил за ней по пятам, следуя ее джан-буддизму, не делил пищу на «иньскую» и «яньскую», а ел и пил по тщете своей, что Бог пошлет. Художник на диком берегу спокойно рисовал картинку. Лора рассказала ему про волну, придавливающую толщей, и он нарисовал женщину, пронзающую океан. Она поведала о скате, летящем под водою, и скоро увидела крылатую подводную птицу на картинке. И тогда, сразу же, словно высвобождая место от всего прочего, под сердцем бесстрашной девы появилось неожиданное чувство робости. Запечатленный скат поражал воображение еще больше, чем тот, реальный, виденный ею. Можно всю жизнь проныривать волну, море накатит их еще бесчисленное множество, а пронзающая волну женщина на картинке – побеждала волну навсегда. Джан рассказывала художнику о новорожденных детях, выходящих из материнского чрева в открытое море. И художник, так и не удосужившийся по глубокой лености своей дойти и посмотреть, как это происходит, вновь писал карти-

ну, от которой она уже не могла отойти сознанием. Бывший муж Лоры, красавец банкир, манил ее путешествием на яхте, пытаясь вернуть свою ушедшую в моря русалку. Джан, с истовостью бедуинской женщины, раболепно прильнула к нищему художнику готова для него краски и омывая ноги перед сном.

Как цапля или как вытянувшийся лягушонок, она блаженно ходила вдоль берега, согласно культуре бедуинов, в долгополых одеждах, смотрела на редких теперь смельчаков, отважившихся пронзить катящуюся трехэтажную волну, испытывая к ним тихое блаженное сочувствие. Лоре больше ничего не требовалось преодолевать. Правда, обратно пропорционально растущему животу менялись требования к художнику, как к будущему отцу: он должен был не только рисовать картинку для души, выражая некую мировую сущность, но и, ради их чада, – импульса Вселенной! – зарабатывать картинками на молоко.

Почти вся община перестала проныривать под волной, зато с каждым днем прибавлялись шлепающие по кромке берега «цапли» и «лягушата».

– Как люди живут? Зачем? – высказывались на форуме одни. – Придуманное, далекое от реальной действительности существование!

– С чего вы взяли, что там, на берегу, далекая от действительности жизнь?! Парламенты, офисы, стройные ряды, пиджаки, галстуки – вот она, абсолютная нереальность!